К счастью, доброта и теплота Гестии помогли ему, и он регулярно останавливался в ее дворце, а не в дворце своего отца. Но неделя шла за неделей, и он заметил, что всякий раз, когда он оказывался рядом с олимпийцами, они бросали на него странный взгляд, прежде чем уйти, а Гестия, казалось, нервничала, когда была рядом с ним.

Он даже уловил в ее глазах следы сожаления, но о чем именно, он не знал. Он оторвался от своих мыслей, заметив, что случайно дошел до тронного зала, но двери были странно закрыты, что вызвало его любопытство.

...

Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не смотрит, и пошел в сторону здания, подальше от посторонних глаз.

За неделю он успел опробовать некоторые из своих новых способностей и выучить несколько трюков. Крепко прижав ладонь к стене здания, он чувствовал каждый сантиметр мрамора и камня.

Он мог определить, где именно находится каждый брошенный предмет и как сидят или ерзают его обитатели.

Он еще больше сосредоточился, пока не возник образ, и вдруг обнаружил, что наблюдает за тронным залом сверху, каждое слово и жест не ускользают от его внимания.

Он заметил, что Артемида, как ни странно, отсутствовала, а Гестия спорила со своими братьями, кроме Аида, который выглядел разъяренным, но молчал. Он прислушался, и его любопытство разгорелось еще больше.

"... Ты же не можешь всерьез об этом думать!?" Гестия крикнула Посейдону, который лишь пренебрежительно отмахнулся от нее.

"Этот выскочка снова посмел отвергнуть наше предложение и унизить нас, нужно что-то делать!" прорычал Зевс, глядя на свою старшую сестру.

"Но это был его выбор", - возразила Гестия, глядя на него в ответ, и от ее лица буквально шел пар. "Почему ты не можешь смириться с тем, что он хочет жить смертной жизнью?"

"Смертный, - с отвращением произнесла Афина, - и почему кто-то хочет оставаться в таком состоянии?"

"Ради его семьи!" воскликнула Гестия. "Он хочет остаться ради Салли, Пола и своей младшей сестры. Он хочет остаться, потому что может защитить полубогов, которые сражались рядом с ним долгие годы, а не стать богом и быть вынужденным смотреть, как они все умирают!"

Посейдон насмешливо посмотрел на сестру: "Это недолго будет проблемой".

"Что ты имеешь в виду?" недоверчиво спросила Гестия, внезапно побледнев и схватившись за подлокотник.

В то же время Аид вскочил на ноги, и на его лице появилось выражение шока, а затем ужаса. Казалось, он побледнел еще сильнее, прежде чем взглянуть на Посейдона и Зевса.

"Что... вы сделали?" - спросил он шепотом, когда вся комната, казалось, стала еще холоднее.

"Устранил глупую причину, по которой мой сын должен был оставаться смертным", - трезво ответил Посейдон.

"Ты... ты... убил их..." прошептала Гестия, когда очаг, казалось, медленно уменьшился в размерах.

"Не я", - ответил Посейдон, прежде чем произошла серебряная вспышка, а затем появилась Артемида с кровью смертных на руках, жестоким блеском в глазах и слабой улыбкой на губах.

"Дело сделано, дядя", - сказала Артемида, прежде чем Аид зарычал от ярости.

"Как ты посмел убить Салли и Пола Блофиса?"

Его гнев был достаточно ощутим, чтобы заставить дрожать всех олимпийцев, кроме Гестии, но даже это не шло ни в какое сравнение с той яростью, которую испытывал Перси, слушая это.

Удар второй.

Комната начала трястись, заставляя олимпийцев в тревоге оглядываться по сторонам. Перси уже начал краснеть, желая лишь выпотрошить Артемиду и своего отца, но тут в его сознании возникло знакомое присутствие.

Перси! Контролируй свои эмоции, не позволяй им поработить себя! Я знаю, что ты злишься, но сейчас ты ничего не можешь сделать! Пожалуйста, контролируй это! Я знаю, что ты можешь!" - раздался голос Никс, пробиваясь сквозь беспорядок его убийственных мыслей.

Когда он успокоился, что-то щелкнуло. Его гнев, некогда пылавший яростью, остыл, и он почувствовал лишь оцепеневший холод. Гнев превратился в застывшую ненависть.

Он увидит, как эти монстры будут умолять его, как звери. Он разорвет на части все, что им дорого, и однажды, когда они будут буквально молить о смерти, только тогда он убьет их. С этой мыслью он успокоился и продолжил наблюдать за тем, как комната перестает дрожать.

Олимпийцы не унимались, но вскоре вернулись к своему разговору, некоторые взглянули на Посейдона, чтобы узнать, не имеет ли он к этому отношения, но он выглядел таким же растерянным.

Их внимание вернулось к кипящему Аиду, но бог подземного мира просто отвернулся, пробормотав: "Я не буду в этом участвовать", - и ушел в тень.

Гестия тихо всхлипывала, с отвращением глядя на свою "семью", но Зевс не обращал на это внимания, глядя на Артемиду.

"Ну что, все сделано как надо?" - спросил он, на что она твердо кивнула, а ее улыбка на мгновение стала шире.

"Да, - ответила она, - я уже почти забыла, каково это - правильно кастрировать мальчика, хотя и жалею, что не превратила его в шакалопу и не скормила своим волкам. О, и не волнуйся, мы с Фиби постарались, чтобы это выглядело как нападение монстра".

"Но... как же Салли?" шепотом спросила Гестия.

Артемида пренебрежительно пожала плечами, хотя и не встретила взгляда Гестии. "Не дева,

не мое дело. По крайней мере, у меня есть малышка, которую я смогу воспитать в будущем как настоящую охотницу".

"Но это же сестра Перси!" воскликнула Гестия, найдя в себе силы. "Как ты можешь убивать его семью, а потом просто забрать последний кусок?"

"Он же мальчик, почему меня это должно волновать?" спросила Артемида, гневно оглядываясь на тетю. "К тому же он никогда не узнает об этом".

"Но он спас тебя! Дважды! И вот как ты его отблагодарила?" закричала Гестия, а остальные олимпийцы молча наблюдали за происходящим.

"Я никогда ничего не буду должна проклятому мальчишке", - прорычала Артемида, ее рама засветилась серебром, а хватка на подлокотнике сжалась до такой степени, что он треснул.

"Но это же..."

Шмяк!

Все замерли, в шоке глядя на происходящее. Посейдон стоял перед Гестией, его рука все еще была вытянута после того, как он дал Гестии пощечину. Она смотрела на него с предательством и болью в глазах, а на ее щеке уже образовался заметный след.

"Почему?" - спросила она дрожащим шепотом. "Как ты мог позволить им убить Салли? Причинить такую боль собственному сыну?"

"Эта смертная перестала быть моей заботой в тот момент, когда раздвинула ноги для другого мужчины", - прорычал Посейдон, глядя на беззвучно плачущую сестру.

"И я не позволю, чтобы из-за нее я потерял своего любимого сына!" - крикнул он, прежде чем вернуться на свой трон и добавить: "Честно говоря, я бы тоже предпочел, чтобы ребенка не было, но я могу согласиться, чтобы Артемида забрала ее, если только она позаботится о том, чтобы он никогда об этом не узнал".

Третий удар!

Гестия оглядела совет в поисках поддержки, но не нашла ее. Большинство согласились, их гордость была уязвлена отказом Перси, а те немногие, кто не согласился, молчали, как Деметра и Афродита. С последним всхлипом Гестия повернулась и исчезла в огненной вспышке, а очаг в тронном зале опустился едва ли выше горящих в нем углей.

Перси наблюдал за происходящим, и его ненависть к олимпийцам росла с каждой секундой. Он молча наблюдал, как Посейдон возвращается на свой трон. Перси уже собирался уходить, но уловил последние слова, прежде чем связь с тронным залом оборвалась.

"... Мы сообщим ему о гибели его родителей завтра, прежде чем снова предложить бессмертие... и если он не согласится... смерть станет ответом..."

Глаза Перси распахнулись, и он посмотрел на мраморную стену перед собой. Опустив взгляд, он увидел, что на его ногах и там, где его рука касалась стены, образовался лед. Ненависть нахлынула на него, сердце печально забилось, когда он отступил от стены.

Ему нужно было уходить. Он знал это, иначе он может сорваться, и тогда никому из тех, кто

встанет на его пути, не будет пощады.

Поэтому он повернулся и, не оглядываясь на большой тронный зал, пошел к дорожке, ведущей к лифту. Он не собирался возвращаться в ближайшее время… и как только он это сделает, этот город превратится в пепел…

http://tl.rulate.ru/book/104154/3654926